Никого не жаль

Автор:
Марина Крамер

Никого не жаль

Марина Крамер

Закон сильной. Криминальное соло Марины Крамер

В Москве погибает писательница Анастасия Ромашкина. Казалось бы, какое отношение это имеет к обычной домохозяйке Насте Лавровой? Но ее муж вдруг срывается и уезжает в столицу. Настя, обуреваемая подозрениями, мчится следом и в дороге, купив книгу погибшей писательницы, вдруг понимает, что уже слышала рассказанную там историю. Ведя собственное расследование, Настя выясняет, что на самом деле никакой Ромашкиной не существует, а все романы написаны ее подругой Станиславой Казаковой, которая пропала три года назад. Но какое отношение имеет ко всему этому Настин муж?

Марина Крамер

Никого не жаль

Часть 1

«Этого не может быть. Этого просто не может быть».

Две фразы крутились в голове друг за другом, как лошадки на карусели в парке, и никак не собирались испаряться.

Захар то и дело снова прокручивал новостную ленту, перечитывал строчки на экране и отказывался верить в прочитанное.

«Сегодня ночью в собственной квартире одного из районов Москвы найдена мертвой писательница Анастасия Ромашкина, автор нескольких романов, ставших популярными в рекордно короткий срок. Тело молодой женщины обнаружила соседка. Правоохранительные органы пока отказываются давать комментарии о произошедшем».

– Не может быть… – пробормотал Захар вслух. – Как так-то?

В ванной прекратился шум льющейся воды, и Захар быстро свернул окно, хотя нужды в этом совершенно не было – жена никогда не поймет, о чем речь, она и писательницу такую совершенно точно не знает. Но мало ли…

– Ты чего такой мрачный? – Настя, вытирая полотенцем волосы, вошла в кухню и села за стол. – Случилось что-то?

– А? Нет. Голова что-то… – пробормотал он, пряча глаза.

– Голова? Вот и у меня тоже, – пожаловалась она. – Как чугун…

– Таблетку выпей и полежи.

– Не могу, мне в химчистку нужно, костюм твой забрать.

– Ну, завтра заберешь.

– Да? А ты с утра на заседание в чем пойдешь?

– Надену свитер, подумаешь…

– Так, Лавров! – строго проговорила жена, откладывая полотенце на табуретку. – Прекрати это и слушай, что тебе говорят. Я лучше разбираюсь в том, как должен выглядеть человек, занимающий должность в горсовете, правда? Я все-таки имиджмейкер.

– Настя… – Захар закатил глаза и изобразил на лице мученическое выражение.

– Все, Захар, прекрати, я серьезно прошу. Нельзя приходить на заседания в свитере – просто запомни и не спорь.

– Хорошо. – Захар тяжело выбрался из-за стола, чмокнул жену в мокрую макушку и пошел в душ.

Включив воду, он долго сидел на краю ванны и смотрел на коврик под ногами. Нужно собираться, идти на работу, а в голове крутится одна мысль – неужели? Неужели это случилось? То, чего он втайне от жены опасался почти три года? Но как, как? Кто вообще мог? Почему?

Через час он вышел из квартиры и отправился в мэрию пешком, как, впрочем, всегда – он любил прогуляться и ненавидел водить машину, хотя недавно купил новую – большой внедорожник с кузовом, чтобы иметь возможность осенью ездить за грибами или вывозить с дачи родителей урожай.

Пасмурная погода не добавляла оптимизма, но нужно как-то собраться и делать вид, что ничего не произошло, идти на работу, сидеть в кабинете, читать какие-то бумаги, вникать в проблемы, пытаться их решить. И никому не объяснишь, что голова сейчас занята совершенно другим.

Захар на ходу вынул телефон и набрал номер:

– Алло, Тима? Это я. Ты уже знаешь?

– Знаю, Захар, – с тяжелым вздохом отозвался собеседник. – Похоже, мы попали в историю.

– А подробности есть?

– Мне позвонили из полиции, попросили о встрече, жду сотрудника. Подробностей нет пока, но думаю, что к обеду что-нибудь выясню.

– Прости, совсем о разнице во времени забыл, у тебя же еще очень рано, – смутился Захар. – Позвони мне сразу, хорошо?

– Конечно. Не представляю, как быть дальше. Ведь все рухнуло, все, понимаешь?

– Ты не разводи панику раньше времени. Надо узнать подробности, потом будем думать, как поступить.

– Возможно, это подстегнет на какое-то время интерес к ее книгам, но потом-то что?

– Я говорю – погоди паниковать. И не это сейчас главное.

– Ты звонил?

– Пока нет. Не знаю, как сказать. Испугается ведь.

– А ты бы не испугался? – резонно заметил собеседник.

Захар свернул в переулок, по которому можно было коротким путем добраться до мэрии.

– Да, ты, наверное, не испугался. Пока не буду звонить, пусть ничего не знает хоть какое-то время, а там, глядишь, что-то придумаем.

– Все равно прочитает.

– Она не из тех, кто с утра новости мониторит, уж ты мне поверь. Ладно, я почти пришел. Ты только сразу мне позвони, если хоть какая-то информация появится.

– Обязательно.

Настя любила утренние часы, когда муж уходил на работу и она оставалась одна в квартире. Не спеша она мыла посуду после завтрака, начищала до блеска плиту, проверяла продукты в холодильнике, попутно составляя на приклеенной к его дверке доске список того, что нужно купить в магазине и на рынке. Потом еще пару часов тратила на уборку – пылесосила, мыла пол, протирала пыль, раскладывала по местам книги, которые с вечера успевал оставить там и тут Захар.

Эти простые дела, выполняемые почти на автомате, больше не вызывали у нее раздражения, как было совсем недавно.

Настя смирилась с тем, что она – только домохозяйка, жена депутата городского совета Захара Лаврова, в прошлом – радиоведущего, журналиста и автора нескольких книг.

Нынешняя жизнь, вполне благополучная в финансовом отношении, стала ей даже нравиться, и, вспоминая свой тихий бунт, устроенный мужу года три назад, она теперь испытывала чувство жгучего стыда.

Если разобраться – чего ей тогда не хватало? Денег? Они всегда были – ну, пусть и немного меньшие по тем меркам, что приняты в их кругу.

Работы? Возможно, но ведь она сама отказалась от места редактора на интернет-портале, когда ей предложили, решила, что в этом нет особого смысла.

Захар достаточно зарабатывал, они могли себе позволить и поездки в Испанию, которую Настя любила, и какие-то еще траты для удовольствия и просто жизни.

Общения? Но и прежде Настя не могла похвастаться большим количеством подруг или просто знакомых. Сейчас не хватало, пожалуй, только Стаськи – единственного человека, с кем Настя всегда была близка и предельно откровенна. Но есть вещи, которые непременно заканчиваются, будто ты из них выросла, как из детских платьиц. Вот и дружба со Стаськой так закончилась, хотя Настя до сих пор ощущала какую-то смутную вину перед ней. Слишком много лишнего она тогда сказала, слишком много громких и обидных слов произнесла.

Наверное, Стаська тоже имела какой-то предел терпения и достигла его тогда, два с лишним года назад. Настя неоднократно после делала попытки позвонить, однако телефон Стаськи всегда был выключен – скорее всего, она просто сменила номер.

Захар, которого со Станиславой раньше связывали общие дела, тоже не мог ответить ничего внятного, кроме того, что Стаська больше не живет в России.

Настя не до конца ему верила, но уличать во лжи не хотела, понимая, что Захар не будет лгать ей просто так – у него непременно имеются для этого какие-то веские причины. И она даже понимала, какие именно.

Покончив с домашними делами, Настя отправилась в химчистку и заодно в магазин.

Выйдя на улицу, поняла, что оделась жарковато – с утра было пасмурно, пробрасывал мокрый снег, но сейчас светило солнце, и дубленка оказалась лишней, пришлось вернуться и сменить ее на пуховик.

Это слегка испортило настроение – весь остаток дня пойдет не по плану, Настя хорошо знала такую свою особенность. Она всегда заранее планировала свои передвижения, чтобы не совершать лишних затрат энергии. Обдумывала маршрут, прикидывала, куда зайти сначала, а куда – напоследок, а теперь непременно что-то пойдет не так.

«Ну вот, началось», – с досадой подумала она, когда в химчистке оказалось, что костюм Захара еще не готов.

Она остановилась у двери продуктового магазина, находившегося в том же здании, что и приемный пункт «Белочки», и прикидывала, заходить или сразу направляться домой, потому что наверняка теперь здесь не окажется чего-то из составленного ею списка.

Любой сбой в планах приводил Настю в состояние, близкое к панике, она теряла способность соображать и никак не могла принять то или иное решение. В такие моменты она по нескольку раз звонила Захару и просила помощи, искренне не

понимая, почему муж сердится и бросает трубку.

Сейчас звонить ему нельзя – он на работе, занят, у него могут быть люди, его вообще может не оказаться на месте – да мало ли…

Чтобы не разреветься, она шагнула в сторону и уперлась в небольшой отдельчик, где торговали газетами.

Стараясь отвлечься, Настя принялась разглядывать выставленные в витрине газеты и вдруг уткнулась взглядом в яркий заголовок одной из них:

«Писательница Анастасия Ромашкина найдена мертвой в своей квартире».

Настя понятия не имела, кто это – она не интересовалась современной литературой, но внимание ее привлекло не имя, а фото. Женщина на снимке чем-то неуловимым была похожа на Стаську – рыжие волосы, красная помада, чуть прищуренный взгляд, наклон головы.

Настя зажмурилась, помотала головой и снова посмотрела на снимок. Ну, нет же… просто волосы… Стаська совсем другая. Но рука сама собой полезла в сумку за кошельком.

– Будьте добры, мне «Криминальное время», – протягивая продавцу купюру, попросила Настя.

– Тоже Ромашкину читали? – спросила девушка, подавая газету и сдачу.

– Нет… а что – она известная?

– Ну, с кем сравнить. А так-то да… интересные книги у нее, мама моя читает, я тоже парочку прочла. Жалко, молодая совсем.

– Да, – эхом откликнулась Настя, совершенно не понимая, зачем купила какую-то бульварную газетку.

Это происшествие удивительным образом встряхнуло ее и заставило собраться. Настя прикинула в голове список дел и решительно направилась в продуктовый магазин.

На плите томился в кастрюле кабачок с овощами и куриным фаршем, из духовки соблазнительно пахло овсяным печеньем с корицей и яблоками – Настя следила за весом, но иногда могла побаловать себя и Захара выпечкой по специальным рецептам. Муж должен был вернуться минут через тридцать, Настя окинула взглядом кухню, убедилась, что все чисто, все готово и есть возможность расслабиться до ужина. Она налила чаю, уселась за стол и только теперь вспомнила о купленной газете.

В статье ничего толком не сообщалось – только общие фразы да биография погибшей писательницы со списком книг, которые она успела написать. Названия Насте ни о чем не говорили и вообще вряд ли привлекли бы ее внимание, окажись она в книжном магазине. Что-то пошловато-вызывающее, явно без претензий на высокий слог.

«Интересно, что с ней могло произойти, молодая ведь совсем», – подумала Настя, в очередной раз вглядываясь в фотографию женщины и пытаясь понять, что же именно ее так зацепило в этом снимке.

– Настюша, я дома, – раздалось из прихожей, и Настя вздрогнула – так задумалась, что даже не услышала, как вошел Захар. – А чем это у нас таким вкусным пахнет? – Он сразу прошел в кухню, чмокнул жену в щеку и задержал взгляд на газете. – Откуда это у тебя? – спросил он севшим голосом, и Настя, повернувшись, увидела, что Захар побледнел.

– В ларьке купила. А что?

– Ничего…

– Захар, что-то не так?

– Нет, Настюша, все нормально. – Он развернулся и скрылся в спальне.

Настя убрала газету на подоконник и накрыла на стол. Захар вернулся в домашних брюках и футболке, молча вымыл руки и сел на свое место. Лицо его было по-прежнему бледным и каким-то угрюмым, и Настя, сев напротив, снова задала вопрос:

– Что-то произошло?

– Нет. Давай ужинать, я голодный, не успел пообедать.

– Не забрала я твой костюм, не готов, представляешь? – пожаловалась Настя, придвигая мужу корзинку с хлебом.

– Да и черт с ним.

– Ну, к счастью, он у тебя не единственный, – не обращая внимания на грубую фразу, продолжала она. – Я что-нибудь подберу.

– Как у тебя все просто…

– А зачем усложнять? – снова пропустила мимо ушей колкость Настя. – Не костюм, как известно, красит человека. А вот про пятничный банкет надо подумать. Себе платье я уже подобрала, нужно теперь решить, в чем ты пойдешь.

– Слушай, ну сколько можно о тряпках, в конце концов?! – вдруг взревел Захар, вскакивая и роняя на пол вилку. – Тебя волнует хоть что-то еще, кроме этого?!

Настя опешила.

– Да что с тобой? Ты почему кричишь-то? Я же ничего не сказала… – Она умолкла на полуслове, чувствуя, как подкатили слезы.

Захар, словно опомнившись, быстро обошел стол, обнял жену и забормотал:

– Настюша, ну, прости, родная, я что-то устал сегодня… не плачь, я же не то имел в виду… конечно, нужно решить, в чем я пойду, нельзя выглядеть как вахлак…

– Почему ты на мне срываешься? – всхлипнула она, беря его за руку. – Я же хочу сделать все правильно, без ошибок… Не хочу, чтобы на тебя пальцем показывали, ты ведь теперь постоянно на людях, на виду…

– Все-все, успокойся. Сейчас поужинаем и устроим примерку, хочешь?

Это была большая жертва с его стороны. Захар так мало внимания уделял собственной внешности, что, если бы не Настя, так и появлялся бы в мэрии в том, что первым утром выпало из шкафа. А уж когда разговор заходил о покупке новой одежды, да еще, не дай бог, касался необходимости ехать в магазин и что-то там примерять, Захар впадал в истерику.

Настя давно научилась выходить из этой ситуации – она просто заранее объезжала нужные магазины, присматривала там вещи и только потом везла туда мужа, стараясь, чтобы примерка занимала как можно меньше времени. Так что его предложение мерить вещи после ужина можно было расценить как подвиг.

– Захар, а ты слышал о такой писательнице – Ромашкиной? – спросила Настя, когда они уже пили чай с печеньем.

Рука мужа дрогнула, и кусок печенья упал прямо в чашку. Захар оттолкнул ее от себя и пробормотал:

– Вот же черт…

– Ничего, я сейчас тебе новый налью. Так слышал?

– Кажется, нет, – но его голос сделался деревянным. – А что?

– Ничего, – наливая чай в чистую чашку, пожала плечами Настя. – Просто ее мертвой нашли. Я подумала, что раз об этом пишут, то она известная, а ты много читаешь. Хотя… вряд ли тебя интересует литература такого рода.

– Тебя, кажется, тоже никогда не интересовала.

– Не интересовала.

– Тогда зачем ты купила какую-то бульварную газету?

Настя поставила перед ним чашку с чаем и снова пожала плечами и сказала, садясь на свое место:

– Не знаю. Говорят, люди любят читать про несчастья, случающиеся с кем-то известным.

– Настя, я тебя умоляю… – скривился муж. – Ну, ты-то зачем цитируешь глупости, которые транслируют эти так называемые популярные психологи? Ты ведь умная женщина – разве тебе может быть интересна подобная чушь?

– Меня фотография привлекла, – вдруг призналась Настя. – Тебе не показалось, что женщина на снимке чем-то на Стаську Казакову похожа?

– Что? – удивился Захар как-то натянуто. – На Стаську? Вообще ничего общего.

– Да ты же толком и снимка не видел.

– И не надо мне. Я помню, как выглядела Стаська до пластической операции – ничего даже близко.

– Тогда почему ты так разнервничался? – уличила Настя.

– Не знаю, как кого, но меня новости о смертях молодых женщин скорее пугают и расстраивают, чем интересуют. И вообще – давай тему сменим, ну, зачем на ночь о трупах-то?

– Как ты думаешь, где сейчас Стаська? – вдруг спросила Настя.

– Понятия не имею, – поспешно отозвался Захар.

– Точно?

– Да что ты, в конце концов, вцепилась в меня?! – заорал он и выскочил из-за стола. – Устал как собака, а тут ты со своими вопросами – кто, да что, да зачем! Ты думаешь, у меня дел других нет, как о Казаковой думать круглосуточно? Это у тебя свободного времени вагон, вот ты и маешься дурью! Делом бы каким-то занялась, все больше пользы… – И вдруг он осекся, увидев, как задрожала нижняя губа жены, а глаза наполнились слезами. Сейчас начнет плакать, как клоун в цирке – с брызгами из-под ресниц, будто слезы специально накачивают при помощи резиновой груши. – Настя, Настенька… – Захар опустился на корточки рядом со стулом и обхватил жену за талию. – Ну, прости, милая, я совсем сегодня дурной и уставший… ну конечно же, ты занята по дому, если бы не ты, у меня бы даже ужина не было – когда мне его готовить, я домой затемно являюсь… ты – мой тыл, моя опора, Настюша… мне никак без тебя, совсем никак… прости-прости-прости…

Настя беззвучно тряслась в рыданиях, мысленно вернувшись в кошмар трехгодичной давности, когда она чувствовала себя абсолютно никому не нужной, бесполезной и никчемной.

Она – просто домохозяйка, человек даже без профессии уже, хотя прежде была и заместителем главного редактора крупного журнала, и руководителем пресс-службы мэрии, и имиджмейкером у одного олигарха, и вращалась какое-то время в кругу людей с большими деньгами и возможностями. Но потом случился кризис, и Настя стала никому не нужна – уже не журналист, уже не имиджмейкер – кто в них теперь нуждается? Она стала приложением к супругу, обслугой, выполняющей его прихоти, домработницей, на которую так удобно срываться после тяжелого дня. Нет, она никак не хотела возвращаться туда, в тот кошмар, который казался бесконечным. Она с таким трудом смогла встряхнуться, объяснить себе, что нужна Захару, – и вот он снова бьет ее по рукам, напомнив, что она без него никто.

Вот Стаську он всегда уважал – целеустремленная, умная, хваткая, состоялась в профессии, обрела имя. А Настя… ну, что Настя? Это когда-то она была лучшей на курсе, даже лучше той же Стаськи, с которой училась, первая получила работу, да еще сразу престижную – но и первая ее потеряла по собственной глупости, польстившись на предложение создать образ, стиль и вообще имидж одному богатому человеку. Ее поманили деньгами, показали, как можно жить – а потом просто выбросили за ненадобностью. Как вещь. Как вещь, коих можно за деньги купить несть числа, потому и выбросить не жалко, если больше не нужна.

«Похоже, мне снова пора к психоаналитику», – подумала Настя, мечтая только о том, чтобы Захар сейчас встал и вышел из кухни – куда угодно, хоть в спальню, хоть вообще на улицу, но только чтобы ушел.

Хотелось одиночества – пусть всего на час, но чтобы никаких раздражающих звуков вроде щелчков клавишей ноутбука, никаких запахов табака… Но Захару не объяснишь эту свою странную потребность, он просто не поймет, как это – хотеть одиночества, когда весь день и так сидишь в квартире одна.

– Тебе над книгой поработать не надо? – процедила она сквозь зубы, надеясь, что Захар обидится и уйдет.

– Да какая книга, что ты… – отмахнулся он. – Так устал – даже ноутбук лень открывать. Пойду лучше почитаю что-нибудь.

Захар тяжело выбрался из-за стола, постоял пару минут у окна, рассеянным взглядом обводя двор, и ушел в спальню.

«Иди-иди, – мысленно огрызнулась Настя, провожая мужа взглядом. – Никогда не придет в голову хотя бы предложить посуду убрать, просто предложить! Привык, что я тут в роли подтиралки. Ой, нет, нельзя так думать, – оборвала она себя. – Иначе я снова себя растравлю, и начнется это постоянное раздражение, недовольство и скандалы».

Она убрала со стола, загрузила посудомоечную машину и уже собралась идти в ванную, чтобы включить стиралку, но взгляд ее упал на корзинку, где остались кусочки белого батона.

«Зачерствеет», – подумала Настя и понесла корзинку к хлебнице на подоконнике. И, уже сидя на краю ванны и отмеряя порошок для стиральной машины, она вдруг поняла, что на подоконнике не было «Криминального времени», которое – она четко это помнила – лежало там до того, как Захар отправился в спальню.

Больше всего на свете Лавров боялся разговоров. Длинных, выматывающих душу разговоров ни о чем, ведущихся с единственной целью – «забить эфир», не дать

тишине повиснуть в помещении.

После рабочего дня именно разговоры выматывали сильнее всего, раздражали, выводили из себя. Он предпочитал залечь в кровать с книжкой или включить какой-нибудь шведский сериал, заткнув уши наушниками. Сегодня же говорить особенно не хотелось. Тимофей так и не позвонил, а Захар, закрутившись, даже забыл об этом, но теперь, из дома, сам перезванивать не решился – не хватало еще, чтобы Настя что-то узнала. Статью в «Криминальном времени» он прочитал, пока жена убирала в кухне и возилась с бельем в ванной, и засунул газету под кровать.

Ничего толкового, ни единого намека на то, что вообще могло случиться с писательницей. Обычный текст – биография, перечисление книг и сериалов, по ним снятых, общие фразы. Но за этим Захар без труда углядывал огромный ворох проблем, который вскоре обрушится на голову Тимофея, а значит, и на его голову тоже, ведь именно Захару принадлежала идея. И почему-то не возникало мысли о том, что Ромашкина могла умереть от удара током, например, или просто от сердечного приступа – нет, Лавров почти не сомневался, что это убийство.

«Но ведь может же быть, что это обычное бытовое убийство? – размышлял он, грызя ноготь большого пальца. – Из-за денег, например, или еще что-то? Вполне может возникнуть какой-то стародавний поклонник Анастасии… или как ее там на самом деле звали? А что? Это вполне годная версия – узнал, что бывшая стала известной и даже состоятельной, не вынес такой обиды и порешил девушку».

Подобные мысли немного отвлекали от главного, от того, о чем Захар думать боялся, но в то же время он четко понимал – нет, вряд ли тут дело в брошенном любовнике или в каких-то деньгах, тем более что у Анастасии их особенно и не было. По контракту ей полагалась некая сумма, но назвать ее баснословной никто бы не решился. Нет, скорее, сама по себе Анастасия тут и ни при чем.

«Но как, кто, в какой момент? Где мы прокололись, что сделали не так? – мучительно напрягал память Захар, но не находил ответа на эти вопросы. – Надо, пожалуй, поднять все интервью и посмотреть, не ляпнула ли там наша красавица лишнего, не сказала ли чего-то такого, за что можно зацепиться».

Он понимал, что это колоссальная работа – за два с лишним года Анастасия Ромашкина успела дать столько интервью и принять участие в таком количестве теле- и радиопрограмм, что придется здорово попотеть, читая и слушая все это. Денег в раскрутку писательницы Ромашкиной было вложено много, она мелькала там и тут и бог знает, что и кому могла наболтать, если вдруг забылась и отошла от заранее обговоренного плана.

«Нет, ну, она ведь не круглая дура, чтобы кусать руку, которая ее кормила, правда? Неужели забылась или просто напилась и развязала язык? Тогда вполне резонно, что ее убили первой».

При мысли об этом по спине Захара пробежали противные мурашки – а ведь он тоже в этом списке, и место его там далеко не последнее…

«Вот же черт… ну, как так вышло-то? Чего я не предусмотрел, где ошибся?»

Когда пришла Настя, Захар сделал вид, что уже уснул, отвернулся к стене и принялся ждать, когда жена уляжется и наденет маску для сна – без нее Настя не засыпала, жалуясь то на отсветы монитора ноутбука, то на слишком яркий фонарь во дворе.

«Капризы, – раздраженно думал Захар, прислушиваясь к тому, как жена вертится с боку на бок, пытаясь улечься удобнее. – Всегда одни капризы. И с каждым годом их все больше. Вроде ведь только все наладилось – деньги появились, возможности, поездки какие-то… Но нет – у нее постоянно раздражение на лице, и она думает, что я этого не замечаю, раз молчу. Как же все не вовремя… Может, пока к Люсе уехать, там смогу спокойно, ни от кого не прячась, разобраться в этой истории с Ромашкиной?»

Но сбежать в пригород к сестре сразу перестало казаться идеальным вариантом – придется ездить электричкой, рано вставать, тратить на дорогу время… Нет, это не годилось.

Настя наконец уснула, и Захар осторожно, чтобы не потревожить ее сон, выбрался из-под одеяла и на цыпочках вышел в кухню, плотно прикрыв за собой дверь.

Над столом горело маленькое бра, освещая небольшой клочок столешницы, идеально протертой после ужина и слабо пахнущей каким-то средством для уборки – помешанная на чистоте, Настя каждый вечер проходилась по кухне с тряпкой.

Захар включил чайник, достал пепельницу и открыл ноутбук. По запросу поисковик услужливо выкинул страниц двенадцать информации, и Лавров тягостно вздохнул – этого не перечитать даже за три ночи. Чайник просигналил щелчком кнопки, Захар бросил в кружку пару ложек клитории – тайского синего чая, который предпочитал в последнее время всем остальным сортам, залил кипятком и, поставив кружку справа от ноутбука, вздохнул и открыл первую ссылку.

Черные строчки текста запрыгали перед глазами – он словно услышал голос, произносящий его, знакомый голос с легкой хрипотцой, оставшейся навсегда после травмы.

Лавров зажмурился и потряс головой, стараясь избавиться от галлюцинаций.

Говорят, что текст в голове произносится голосом того пола, к которому принадлежишь – у мужчин мужским, у женщин, соответственно, женским, но сейчас Захар совершенно четко слышал женщину, и это пугало и мешало одновременно.

«Сгинь! – мысленно взмолился он. – Пожалуйста, прекрати, иначе нам всем крышка. Я не могу сосредоточиться, ты мне мешаешь».

И – о чудо! – голос в голове тут же стал мужским.

Лавров с облегчением глотнул чаю и погрузился в чтение. Одно интервью, другое, третье… Раз за разом почти одно и то же, выверенный до запятых текст, никаких отступлений, аккуратные, обтекаемые фразы – ничего, что могло бы вызвать подозрения.

– Господи, Захар! – вырвал его из очередного текста голос Насти. – Ну сколько тебе раз говорить, чтобы ты не насыпал этот чай прямо в кружки, они потом не отмываются!

Она стояла в дверном проеме – большая, взлохмаченная, чуть опухшая после сна, с болтающейся на шее маской – и смотрела на него обвиняющим взглядом, словно застала за каким-то непотребством.

Не в силах больше сдерживаться, Захар схватил кружку и что есть силы швырнул ее в раковину:

– Так лучше?!

Настя ойкнула, закрыла рот рукой и приготовилась зарыдать, но Лавров никак не отреагировал, захлопнул крышку ноутбука, вышел из кухни, с трудом разойдясь с женой в дверном проеме, и, прихватив подушку и одеяло, ушел в гостиную на диван.

«Я чувствую себя чужим в собственном доме, – угрюмо думал он, уткнувшись лицом в спинку дивана. – Приживалом каким-то, хотя и деньги приношу. Но при этом вечно мешаю, путаюсь под ногами, раздражаю всем – как говорю, что делаю, как двигаюсь, как дышу. Может, она любовника завела, потому и бесится от моего присутствия? Невозможно так жить, невыносимо».

Но и уйти от Насти он не мог, потому что, во?первых, понимал, что без него она просто пропадет, а во?вторых, Захар действительно любил жену. Любил со всеми недостатками и капризами и не мыслил своей жизни без нее.

«Но ведь так не бывает, чтобы любимый человек раздражал? Невозможно же любить и раздражаться одновременно? Почему у нас все вот так? Может, потому, что я ее люблю, а она меня – нет? И никогда в принципе особо и не любила? Вышла замуж, потому что надо было выйти, да и мать постоянно подталкивала, а любить – нет, не любила? Сама ведь как-то обмолвилась, что у нее никогда не было возможности выбора, она брала то, что само под руку подворачивалось, вот и я подвернулся?»

В кухне Настя, недолго порыдав и поняв, что Захар к ней не выйдет, зашумела водой, отмывая раковину от остатков чая. Звякнули осколки чашки, выброшенные, видимо, в мусорное ведро, хлопнула дверка шкафа. Шаги жены стихли в спальне, там скрипнула кровать, и в квартире стало так тихо, что у Захара зазвенело в ушах.

До самого утра он так и не смог уснуть, мысленно прокручивая в голове фразы из разных интервью Ромашкиной, и, когда совсем рассвело, определился с решением. Нужно во что бы то ни стало ехать в Москву.

– Как командировка? Какая командировка? – растерянно звучал в трубке голос Насти. – Ты же еще вчера никуда не собирался…

– Так получилось. Я готовлю депутатский запрос по одному делу, мне нужно лично все проконтролировать, – малодушно врал Захар, прижав телефон плечом к уху и одновременно заказывая себе билет на ближайший рейс в столицу.

– Но… как же прием в пятницу?

– Настя, ну какой прием, о чем ты… я же не отдыхать еду, а по работе.

– Но ведь я готовилась… я же все спланировала, как же так… – лепетала она, и Лавров с раздражением подумал, что сейчас Настя снова разрыдается, сорвется в истерику, как делала всегда, стоило ее планам измениться хоть немного. – Разве так можно? Ведь мы собирались пойти! Я столько сил потратила и на свой наряд, и на поиски смокинга для тебя…

– Настя! Я что – должен отменить командировку ради возможности пообщаться с теми, с кем и так почти ежедневно вижусь здесь?

– Но как же я? Ты обещал! – выкрикнула она, и Захар, потеряв терпение, сбросил звонок.

Настя перезвонила, но он не ответил, как не ответил потом еще на пять ее звонков. Он понимал, что дома его ждет скандал, но успокаивал себя тем, что это ненадолго – он только возьмет маленький ноутбук, которым пользовался в поездках, и кое-что из вещей, так что потерпеть придется минут двадцать от силы. А к моменту его возвращения Настя уже придет в себя и даже не напомнит о сорвавшемся приеме.

К его удивлению, жены дома не оказалось.

Захар прошелся по квартире, убедился, что Настя не возится на балконе, разбирая шкаф, как хотела недавно, что на вешалке нет ее пуховика и синего длинного шарфа, который она всегда наматывала на шею, ботинок тоже нет.

«В магазин, наверное, пошла. Да и куда ей еще идти?» – подумал он и вынул из антресолей небольшой чемодан.

Не глядя, что и откуда берет, побросал в него вещи, упаковал в сумку ноутбук и вышел на площадку. У лифта встретил соседку с Оськой – юрким джек-рассел-терьером.

– Здрасьте, Захар Николаевич! Уезжаете? – спросила женщина, стараясь заставить непоседливую собаку стоять спокойно, но Оська уже окрутила ноги Захара длинным поводком и теперь пыталась подпрыгнуть и лизнуть его руку. – Ося! Кошмар, а не животное!

– Ничего, – Захар погладил собаку по голове. – Я в командировку на несколько дней, в Москву.

– Говорят, там холодно.

Он неопределенно пожал плечами, ругая себя за это уточнение – «в Москву». Какая разница, куда?

Впервые в жизни Настя Лаврова совершила то, за что всегда осуждала других. Она залезла в ноутбук мужа.

Надо сказать, что далось ей это очень непросто – всегда тяжело преодолевать барьер, отделяющий порядочного человека от непорядочного.

Настя была воспитана в таком ключе, что никогда, просто ни при каких условиях нельзя читать чужую переписку или влезать в чужие телефоны. И сейчас она очень мучилась, сознавая, что падает в собственных глазах. Но поведение Захара настолько резко отличалось от обычного, что Настя заподозрила худшее.

Ей раньше и в голову не приходило ревновать мужа к кому-то. Захар не был записным красавчиком, скорее – обаятельным мямлей с детским лицом.

Настя привыкла так считать и даже мыслей не допускала о том, что подобное сочетание может кому-то понравиться. Она спокойно оставляла мужа в квартире наедине с той же Стаськой, уверенная, что никогда у них с Захаром не случится никакой близости, кроме интеллектуальной.

Лавров обожал неторопливые беседы за бокалом вина – это, правда, было до того, как он стал работать в мэрии и полюбил тишину, – а Станислава более чем устраивала его в качестве собеседника.

Насте порой казалось, что Захару вообще не приходит в голову тот факт, что Стаська – женщина, к тому же привлекательная.

Даже мать не смогла пошатнуть в Насте уверенности в муже, хотя неоднократно намекала на то, что Захар непременно рано или поздно уйдет именно к Станиславе.

Что конкретно заставило ее сегодня почувствовать укол неприятного чувства, Настя не знала, но подозрения не давали успокоиться, особенно после того, как муж позвонил и сообщил о внезапном отъезде в командировку.

Настя не поверила ни единому слову – ну какие могут быть командировки, когда на носу выходные? Выходило, что Захару нужно исчезнуть из дома, и он нашел вполне легальный повод.

Ноутбук попался ей на глаза случайно, Захар с вечера забыл его под кроватью, и Настя, совершавшая свой ежеутренний ритуал с уборкой, ткнула в него шваброй.

Сев на кровать, Настя положила его на колени, машинально вытерла ладонью пыль с крышки и так же машинально откинула ее.

Появилась заставка – что-то из снятого Захаром в последней поездке по Испании, сцена с какого-то праздничного шествия. Настя смотрела на картинку и чувствовала, как палец сам собой тянется к тачпаду и подводит курсор к

почтовому ящику.

Захар никогда ничего не прятал, не устанавливал паролей, потому что знал – жена не станет залезать ни в почту, ни в ноутбук вообще. А тут Настю словно бес попутал – она открыла входящие сообщения и сразу увидела письмо с прикрепленным к нему авиабилетом и квитанцией об оплате заказа с карточки Захара.

– Командировка, значит? – пробормотала она, изучая билет. – Ну-ну… а оплачиваешь ты ее из собственного кармана. Обеднела наша мэрия… Только вот вопрос – а чего это моего супруга понесло в столицу, да еще так спешно?

Она просмотрела все письма, но ничего больше не нашла, на всякий случай проверила удаленные, но и там ничего не было – деловая переписка, какие-то рекламные сообщения, которые Захар удалял, даже не открывая писем.

Настя открыла браузер и принялась одну за другой просматривать открытые вкладки – их было такое множество, что вообще непонятно, как на экране еще осталось место. Самое удивительное заключалось в том, что все эти вкладки демонстрировали интерес Захара к погибшей писательнице Ромашкиной, о которой, как он вчера утверждал, тот никогда прежде не слышал.

Растерянно глядя на экран, с которого прямо на нее смотрела рыжеволосая женщина с зелеными глазами и мягкой улыбкой, Настя чувствовала себя обманутой.

Вот, оказывается, что испытывает человек, обнаруживший, что у второй половинки есть какая-то другая жизнь. Подобное никогда не приходило ей в голову – даже когда она сама завела роман сперва в Интернете, а затем и в реале. Ей казалось, что Захар ничего не заметил, не придал значения. Но что, если она ошибалась? Если Лавров все знал и молчал, а теперь, спустя время, решил отомстить?

– Да ну, ерунда… – пробормотала Настя, закрывая ноутбук. – Захар – и роман на стороне? Нет, не может быть. К тому же – с кем? С какой-то писательницей непонятных романчиков? Нет уж, если бы Лавров решил щелкнуть меня по носу, то его пассия была бы более интеллектуально развитой, потому что о чем ему говорить с женщиной, пишущей такое? А поговорить для Захара – первое дело, у

него все чувства рождаются из головы, а не из сердца, и уж тем более не оттуда, откуда обычно они возникают у мужчин.

Она встала, прошлась по комнате, машинально провела тряпкой по подоконнику, замерла, уставившись в окно.

На детской площадке бегали двойняшки с восьмого этажа, их няня сидела на скамейке с книгой в руках и совершенно не замечала, как ее подопечные кидают друг в друга песком.

«Сегодня можно за продуктами не выходить, – подумала Настя. – Обойдусь тем, что в холодильнике есть, да и вообще – хватит жрать, надо взять себя в руки и похудеть немного, расплылась опять».

В этом смысле отъезд Захара был даже кстати – не придется готовить, а значит, можно и не есть.

Но вдруг ей в голову пришла совершенно безумная, а потому, разумеется, привлекательная мысль – поехать в Москву и проследить за мужем, чтобы не мучить себя подозрениями. Она ведь знала, в какой гостинице остановится Захар, вполне могла забронировать номер там же. Деньги у нее были – Захар, чтобы избавить Настю от необходимости просить у него каждый раз, в день своей зарплаты переводил на ее карту часть суммы, которую она могла тратить на свое усмотрение.

Привыкшая за много лет относительного безденежья экономить на всем и отказываться от того, что не казалось необходимым, Настя сумела скопить приличную сумму, а потому вполне могла позволить себе такой каприз, как поездка в Москву.

– Заодно и развеюсь, – закусив губу, процедила она, решительно открывая свой ноутбук и отыскивая в закладках сайт продажи авиабилетов. – Погуляю, в МГУ съезжу, в район, где квартиру со Стаськой снимали… А заодно и постараюсь узнать, чего вдруг мой супруг так внезапно сорвался в столицу, да еще и мне наврал.

Когда билет на самый поздний рейс был приобретен, а номер в гостинице забронирован, Настя вдруг вспомнила, что в Москве у Стаськи осталась

приятельница, специализировавшаяся как раз на статьях о светской жизни. Они все вместе учились на факультете журналистики, но общалась с ней больше Стаська, а Настя, сменившая профессию после окончания университета, а потом и вовсе ее лишившаяся, с бывшими однокурсниками старалась вообще никак не пересекаться, чтобы не ловить на себе сочувствующие или, наоборот, торжествующие взгляды – на курсе она была лучшей, а без работы осталась первой.

– А ведь это может пригодиться… – глядя на свое отражение в стоявшем на тумбочке небольшом зеркале, протянула она. – Инга Золотарева… нет, Золотницкая… Да, точно – Золотницкая! И я ее неплохо помню. Но вот помнит ли она меня… Конечно, было бы уместно сослаться на Стаську, но мы уже три года вообще никак не общались. Интересно, она только со мной все отношения разорвала? С Захаром, кажется, тоже… но тут нельзя сказать уверенно, он в последнее время стал какой-то странный… как будто что-то скрывает.

Произнеся это, Настя снова расстроилась. Муж действительно стал более задумчивым, скрытным, все больше молчал, уткнувшись то в книгу, то в монитор ноутбука. Раньше, до всей этой канители с выборами, он мог часами увлеченно разговаривать на любую тему, совершенно не выносил тишины в квартире, а теперь… Прежде он не делал тайны из своих телефонных разговоров, всегда отвечал на звонок там, где его застали, но в последнюю пару лет вдруг начал выходить из комнаты, а порой, встав ночью, Настя обнаруживала его с телефоном в ванной, где была включена вода. И вид у него всякий раз бывал такой, словно жена застукала его за чем-то постыдным.

– Почему я никогда об этом не задумывалась? Ведь он уже давно так себя ведет… Может, мама права и у него просто-напросто кто-то появился? – Настя скорчила своему отражению некрасивую гримасу: – А что? Вполне вероятно – ты-то вон какая корова, расплылась в разные стороны, а Захар вполне привлекательный мужик.

Говоря это, она преувеличивала масштаб трагедии – при своем высоком росте лишних у нее было всего килограммов десять, и это не составляло такой уж огромной проблемы, а при правильном подходе к питанию и физической активности можно было избавиться от них довольно быстро. Но Насте всегда было лень заниматься спортом, а отказываться от вкусной еды – еще сложнее.

– Зачем вообще жить, если еще и в этом себя ограничивать? – говорила она Стаське, когда сама же и поднимала тему своего лишнего веса.

Подруга была с ней солидарна, но в этом противоречия не наблюдалось – весившая пятьдесят килограммов Станислава могла позволить себе что угодно.

Мысли как-то плавно свернули в сторону еды, и Настя с сожалением подумала, что обедать придется брокколи на пару – все равно ничего другого приготовить она уже не успеет, нужно еще собраться и вызвать такси. Рейс был поздний, но до аэропорта ехать довольно долго. А сейчас вообще хорошо бы исчезнуть из дома, потому что Захар наверняка зайдет за вещами – его рейс вылетал в шесть часов, значит, он явится минут через тридцать, и лучше это время провести отдельно от него.

«А вот пойду сейчас в пиццерию и нажрусь! – решительно сдергивая с вешалки синий шарф и ожесточенно наматывая его вокруг шеи, подумала Настя. – Думаю, что пары часов Захару хватит, чтобы собрать свои манатки».

В аэропорту было совсем малолюдно – три рейса, два из которых – малая авиация, небольшие самолеты, выполнявшие рейсы в расположенные неподалеку города. Настя прошла паспортный контроль и досмотр, вернула на место ремень, который пришлось вынуть из джинсов, выдернула ручку чемодана и покатила его за собой в зал ожидания.

«Кофе, что ли, попить? – размышляла она, остановившись напротив небольшой кофейни, откуда умопомрачительно пахло молотыми зернами и корицей. – Калорийно… да и черт с ними, с калориями, хоть носом клевать не буду».

Стаська всегда смеялась над ее привычкой пить кофе из пластикового стакана – сама Казакова ни при каких условиях не делала этого на бегу, предпочитала посидеть в кафе с чашкой.

«Интересно, где она все-таки? – подумала Настя, потягивая напиток через соломинку. – В Юрмале или уехала еще куда-то?»

Она знала о причинах такого внезапного исчезновения и такого беспросветного молчания подруги и не осуждала ее.

Наверное, чтобы выжить, Стаське действительно лучше было раствориться где-то за пределами страны. Слишком многим людям Казакова ухитрилась испортить жизнь своим бойким пером и случайно доставшимся компроматом.

Громкий судебный процесс над сотрудниками мэрии обсуждался везде, даже Настя слышала об этом. Разумеется, после такого Стаське просто необходимо было залечь на дно в каком-нибудь условном Брюгге – как в фильме, который они много раз смотрели вместе. Наверное, улетая из Москвы, Стаська точно так же мерила шагами зал ожидания…

Прогуливаясь неспешно вдоль магазинчиков, Настя вдруг уперлась взглядом в витрину книжного, выхватив знакомую фамилию.

Ну, так и есть – Анастасия Ромашкина, «Кровь, любовь и кокаин», яркая обложка, красно-черное название.

Повинуясь какому-то необъяснимому чувству, Настя вошла в магазин и сняла книгу с полки.

– Интересуетесь? – сразу же подняла голову от журнала продавец. – Ее хорошо раскупают, вот эта последняя осталась.

«Еще бы, – про себя хмыкнула Настя, опуская книгу на прилавок и роясь в сумке в поисках кошелька. – После смерти автора интерес к его книгам автоматически возрастает, так уж люди устроены. Сейчас, наверное, у нее будет такой всплеск популярности, о каком она, бедняжка, при жизни и мечтать не могла».

Сунув приобретенную книгу в сумку, Настя вышла из магазинчика и почти сразу услышала объявление о начавшейся посадке. Она никогда не торопилась попасть в салон в числе первых, всегда бронировала себе место впереди и заходила почти последней, чтобы никому не мешать. Но сегодня у нее был багаж, который нужно устроить в полке, потому пришлось поторопиться.

К счастью, соседей не оказалось – Настя купила платное место, чтобы иметь возможность вытянуть ноги.

Когда самолет вырулил на взлетную полосу, она достала книжку и погрузилась в чтение, не ожидая, впрочем, от подобного чтива ничего впечатляющего. Однако с первых же строк, с первых пяти страниц она с удивлением поняла, что содержание книги совершенно не соответствует кричащей обложке. Это был детектив, но написанный человеком, отлично владевшим словом и чувствовавшим каждую фразу, как музыку. Настя увлеклась настолько, что не сразу поняла, чего хочет от нее миловидная девушка в серо-фиолетовой форме.

– Извините, – пробормотала Настя, убирая книгу. – Мне минеральную воду, пожалуйста.

Взяв из рук стюардессы бумажный стаканчик, Настя с каким-то даже раздражением подумала о небрежно отложенной в пустующее кресло книге – придется сделать перерыв и поужинать, потому что неизвестно, когда именно она сможет сделать это в Москве, а нестерпимо хотелось дочитать.

По салону потянулся запах еды, и мысли Насти переключились на это. Она где-то читала, что на высоте вкусовые ощущения изменяются и то, что ты никогда не стала бы есть в обычной жизни, кажется вкусным. Но ей самой самолетная еда всегда нравилась, и можно было уговорить себя тем, что порция маленькая, значит, вреда особого не нанесет.

Покончив с ужином, Настя снова принялась за книгу.

«Господи, кто дал такое глупое название? – думала она, вникая в сюжетные повороты, от которых кружилась голова. – Здесь ведь совсем не об этом… никакой пошлости, наоборот – много интересных фактов, политика, полицейские структуры… да, есть любовная линия, но без нее было бы не так интересно. Будь я на месте этой Ромашкиной, ни за что бы так не назвала. Ой, нет-нет, не особенно я хочу на ее место, учитывая обстоятельства, – одернула она себя. – Просто странно – человек пишет так хорошо и вдруг дает такое банальное, глупое название, рвущее глаз. Хотя… наверное, в этом есть какой-то смысл. Я же остановилась, взяла в руки, купила – может, дело в этом?»

Книга закончилась раньше, чем полет, и Настя с сожалением убрала ее в сумку, мысленно выругав себя за то, что не посмотрела в том магазинчике еще что-то. Теперь придется завтра ехать в какой-нибудь книжный в Москве. Она не любила электронные книги и не рассматривала для себя такой вариант, как поискать

нужное в Интернете.

В Москве моросил дождь вперемешку со снегом, и Настя похвалила себя за кожаное пальто на меховой подкладке вместо дубленки или пуховика – сейчас бы уже промокла насквозь, а так чувствует себя вполне комфортно.

Добравшись до Павелецкого вокзала, она вызвала такси и поехала в гостиницу. Знаменитые московские пробки уже начали понемногу рассасываться, но движение все еще не было свободным, потому поездка заняла довольно приличное время.

У Насти начала кружиться голова – она плохо переносила перелеты, и теперь ей нестерпимо хотелось как можно скорее оказаться в номере, лечь в постель и вытянуть ноги.

К счастью, заселили ее быстро, номер оказался на пятнадцатом этаже, с окном, из которого открывался вид на ВДНХ.

Настя включила бра возле кровати, быстро разобрала немногочисленные вещи, унесла в ванную косметичку, по странному стечению обстоятельств, всегда оказывавшуюся самой тяжелой вещью в ее багаже, и, наскоро приняв душ, улеглась в постель, тихонько застонав от удовольствия. Не особенно активный образ жизни диктовал ей совсем другой ритм, и потому сегодняшний день оказался очень утомительным и длинным.

«Интересно, Захар сейчас в номере или где-то шляется? – думала Настя, лежа лицом в подушку. – Унизительно, конечно, шпионить за собственным мужем, ни за что бы не подумала, что когда-то опущусь до этого. Стаська бы меня презирала… ну, она вообще многого не понимала в моей жизни, она совершенно другая была. Почему я думаю о ней в прошедшем времени? Она ведь жива, просто живет теперь в другой стране. А я почему-то воспринимаю ее как прошлое. Может, потому, что внешне это теперь совсем другой человек, имеющий мало общего с моей Стаськой, с той, с кем я прожила пять лет в одной квартире, с кем делилась всеми бедами? Но почему-то Стаська свои проблемы доверила не мне, а Захару. Нет, я понимаю – только он мог в тот момент помочь ей, он свел ее с главным редактором крупнейшего интернет-портала, именно Захар в буквальном смысле вручил Стаське оружие, с помощью которого она

смогла отомстить всем, кому хотела и кого считала виновным в развале своей жизни. Захар, а не я, считавшая себя ее лучшей подругой. Но что я?то могла? Ничего, потому что я сама – никто. Никто! И уже никем не буду. Жена Захара Лаврова – это тот единственный титул и тот статус, которого я достигла».

Эти мысли нужно было срочно разогнать, иначе дело закончится истерикой, Настя отлично об этом помнила.

Всякий раз, когда она начинала оценивать собственную жизнь, ее охватывало чувство пустоты и беспросветного одиночества. Внешне все вроде бы выглядело хорошо – Захар ее любил, уделял времени ровно столько, сколько позволял ритм его жизни, дарил цветы и подарки, возил в путешествия – ну, во всяком случае, последние три года. Но внутри себя Настя была по-прежнему одинока.

Кроме домашних дел, ей совершенно нечем было заняться, и это угнетало. Порой она жалела, что не согласилась на предложение стать редактором интернет-издания, выбрав все-таки мужа и дом, а не возможную карьеру. Да какая там карьера, если смотреть правде в глаза… Редактировать чужие тексты, от которых хочется выть, и самый лучший выход – просто переписать все от первого до последнего слова? Каждый день мучить свой мозг, выправляя нелепейшие ошибки и расставляя запятые? Переделывать фразы, которые человек в здравом уме вообще не в состоянии составить?

Если бы за это еще хотя бы платили достойно, Настя, может, подумала бы, а так, взвесив все, она решила, что лучше будет организовывать быт Захару, чем тратить силы, нервы и зрение, не получая при этом никакого удовлетворения – ни морального, ни материального. Но иногда ее все-таки посещала мысль о том, что надо было согласиться.

Чтобы не дать себе впасть в истерическое состояние, Настя с усилием поднялась с кровати и подошла к окну, раздвинула темные шторы.

Ночная Москва светилась многочисленными огнями, жизнь продолжалась почти как днем, разве что поток машин стал меньше. По-прежнему внизу куда-то шли люди, светились вывески. Дождь со снегом прекратились, оставив после себя грязно-коричневую кашу, которая к утру немного подмерзнет и превратится в скользкие колдобины. За ночь коммунальные службы завалят все реагентом, и станет только хуже – разводы на обуви, чавкающая жижа под ногами.

Настя никогда не любила Москву в осенне-зимний период, еще в годы учебы это время всегда вызывало у нее только негативные эмоции, а ощущение от города было мрачным и тягостным.

Ей все время хотелось спать, и частенько Стаська по утрам никак не могла вытащить подругу из теплой постели и заставить спуститься в метро, чтобы ехать на учебу. Так что и сейчас, наверное, было не самым лучшим решением прилететь в город, который в это время года тебя просто убивает, но что-то внутри точило и подталкивало. И Настя знала, что это. Боязнь потерять Захара и остаться совершенно одной.

В это же время, в той же самой гостинице, но тремя этажами ниже, Захар Лавров сосредоточенно пролистывал на экране ноутбука страницы интервью Анастасии Ромашкиной.

Ему казалось, что в голове уже сплошная карусель из одних и тех же слов, одних и тех же фраз и предложений – ни единой новой мысли.

«Как она смогла продержаться на этом два с половиной года? – недоумевал Захар, закрывая очередную статью и открывая новую, почти слово в слово повторявшую предыдущую. – Почему никто не заметил, что она, как музыкальная шкатулка, повторяет одну и ту же мелодию? Да, безусловно, изначально все строилось именно на этом, чтобы не было случайностей и проколов, но как люди-то не заметили? Как же просто манипулировать сознанием… Красивая картинка плюс выверенные фразы, проникающие в душу, – и готово дело. Так, наверное, строятся все секты в мире».

В голове постоянно крутилась и мысль о том, что же делать дальше, что же будет, чем все закончится. Ему не удалось встретиться с Тимофеем – у того было совещание, затянувшееся допоздна, и встречу перенесли на завтра. Возможно, у него больше информации, чем было вчера, и от этого можно будет хоть как-то оттолкнуться. Вопрос был не в деньгах – возможно, как бы цинично это ни звучало, их сейчас как раз станет больше, потому что на экраны выходят два сериала, а в работе у Тимофея еще три книги, и такая внезапная смерть еще молодой женщины, без всякого сомнения, подстегнет интерес к ее работам.

Захара беспокоило другое. Безопасность. Его собственная, Тимофея и еще одного человека, посвященного в эту, без преувеличения сказать, аферу.

Если смерть Анастасии не вызвана какими-то естественными причинами – ну, мало ли, – то все обстоит очень и очень плохо. И невозможно определить очередность, с которой будут развиваться дальнейшие события. Кто станет следующей жертвой, предсказать не удастся никому. И, пока Тимофей не прояснит картину, придется жить с ощущением внутренней тревоги.

Неожиданно пришла мысль о жене. Что скажет Настя, если вдруг узнает правду? Он ведь не подумал о том, что и ее жизнь подвергает опасности, когда придумывал эту схему. Что, если на него попробуют надавить при помощи жены? Он любит Настю и ни за что не захочет причинить ей вред, и вот тут-то и встанет проблема выбора. И, что ни выбери Захар, в конечном итоге он окажется предателем.

Он отставил ноутбук и взял с тумбочки телефон, однако вспомнил, что дома уже глубокая ночь и Настя, конечно, спит – сегодня у нее появилась возможность спокойно уснуть и выспаться без посторонних звуков, без его вечного клацанья по клавишам, без мелькания картинок на экране ноутбука.

«Пусть спит, – подумал Захар, возвращая телефон на место. – Завтра позвоню».

Настя проснулась в хорошем настроении и сама очень удивилась этому факту. Обычно по утрам ей хотелось убивать, а не радоваться жизни. Сегодня же что-то пошло не так, и в этом Настя увидела хорошее предзнаменование – значит, день будет удачным.

Быстро собравшись, она решила не завтракать в гостинице, чтобы не наткнуться на мужа, а сделать это где-нибудь в центре, куда собиралась сразу же поехать. Звонить Инге Золотницкой она решила тоже из кафе, рассудив, что человек, посещающий светские мероприятия, вряд ли встает чуть свет, а потому время для телефонного звонка лучше выбрать ближе к обеду. Кроме того, Настя собиралась наведаться в район, где они со Стаськой снимали квартиру, побродить там, вспомнить молодость. Конечно, идеально было бы делать это вместе с Казаковой, но…

Настя выскользнула из гостиницы и повернула налево, к метро. День обещал быть пасмурным, но осадков не предвиделось, и это тоже немного ободрило ее.

Нырнув в метро, Настя оказалась в довольно плотном потоке и только сейчас сообразила, что это дома уже миновал час пик, а здесь самый разгар, люди едут на работу.

«Ничего, вспомню, как это было», – успокоила она себя, стараясь так развернуться, чтобы попасть на нужную платформу. В вагон ее буквально внесли, жестко притиснули к поручню.

«Однако… нигде так не ощутишь дух единства, как в Московском метрополитене», – подумала Настя, пытаясь хоть немного отстраниться от больно врезавшегося в бок поручня.

В таком положении пришлось ехать до нужной станции – народа становилось только больше, еще повезло, что удалось выйти там, где планировала.

Ощутив относительную свободу, Настя поправила выбившийся из-под воротника пальто шарф и направилась к эскалатору.

Первое, что сразу ударило в нос, едва Настя вышла из метро на улицу, оказался запах фастфуда. Прямо напротив располагался известный сетевой ресторан, и именно из окошка для выдачи доносился этот удушливый, на Настин вкус, запах перегоревшего фритюра.

Поскорее миновав это место, она вышла на перекресток, дождалась зеленого сигнала светофора и пошла прямо, в сторону набережной, где останется повернуть налево и оказаться во дворе старого дома, в котором они со Стаськой снимали однокомнатную квартирку на третьем этаже.

Двор, к ее огорчению, оказался заперт – на калитке стоял домофон, и попасть внутрь ей не удалось.

Настя походила вдоль забора, стараясь рассмотреть знакомые окна сквозь голые ветки деревьев, увидела изменившийся двор, в котором появилась детская площадка вместо старой песочницы с ободранным деревянным грибком, что стояла там в их время, вздохнула и пошла на набережную.

Москва-река казалась особенно серой, над ней словно натянули мутную пленку, и она колыхалась туда-сюда, повинуясь редким порывам холодного ветра.

«А ведь мы часто гуляли здесь по вечерам, – подумала Настя, облокотившись на перила и глядя вниз на воду. – Покупали мороженое и шли вдоль ограждения, чаще просто молча. Все-таки только человека, с которым комфортно даже молчать, можно считать по-настоящему близким. Жалко, что все заканчивается».

Студенческие годы всегда вспоминались как самое счастливое время, хотя и были довольно сложными в материальном плане. Квартиру они со Стаськой снимали напополам, приходилось подрабатывать, чтобы иметь возможность не прибегать к помощи родителей. Стаськина мама не могла присылать дочери каких-то ощутимых сумм, да и Настина тоже не располагала фантастическими деньгами, поэтому две студентки не брезговали ничем – ни мытьем полов, ни работой официантками, Настя даже одно время выгуливала соседских собак. Но при этом они ухитрялись ходить в театры, раз в месяц позволяли себе посиделки в хорошем ресторане.

У Стаськи не было отбоя от кавалеров, которые предлагали и материальную поддержку, но Казакова всегда считала жизнь за счет мужчины чем-то недостойным. Настя не вмешивалась, хотя иногда думала, что это неправильная позиция. Что плохого в том, что влюбленный мужчина хочет дать денег? Но Стаська оставалась непреклонной и никаких компромиссов по этому вопросу не признавала.

Сама Настя мужским вниманием избалована не была, единственный роман, случившийся в студенчестве, закончился трагически, и если бы не та же Стаська, вернувшаяся в тот день с занятий раньше, попытка Насти отравиться таблетками оказалась бы удачной.

Она специально сказалась с утра больной, чтобы остаться дома, и проглотила упаковку снотворного, которую ухитрилась достать в больнице, где три раза в неделю мыла коридоры. Но Казакова, словно учуяв неладное, приехала в тот момент, когда Настя, лежа на кровати, уже начала погружаться в сон.

Оценив нарядное платье, макияж и аромат духов, которыми Настя пользовалась только по особым случаям, Стаська разжала уже ставшую слегка вялой руку

подруги и вынула из нее смятый блистер от таблеток.

Умение не терять головы не раз вытягивало саму Стаську из сложных ситуаций и помогло на этот раз Насте. Вызвав «Скорую», Казакова принялась трясти подругу за плечи, притащила банку воды и силой заставила Настю пить, потом поволокла в ванную.

Когда подругу забрали в больницу, Стаська нашла в ее телефоне номер бывшего ухажера, позвонила, назначила встречу и прилюдно, в кафе, вылила на голову и светлую дорогую дубленку стоявшее на столике масло для пиццы.

– Если еще раз увижу тебя рядом с Настей, это будет не масло, – наклонившись к самому лицу опешившего от такой наглости парня, ласково пообещала она и удалилась из кафе, ни секунды не сомневаясь в том, что он не кинется на нее с кулаками.

Настю продержали в больнице неделю, все это время Стаська металась между лекциями, двумя своими работами и двумя Настиными и успевала навестить подругу.

О случившемся они не говорили, но Стаська отлично знала, что кавалер назвал Настю «неперспективной провинциалкой, которую стыдно привести в приличное место». Из этой истории Настя вынесла хороший урок и больше ни с кем не сближалась до того момента, как в ее жизни появился Захар.

Стаська же никогда не давала ей понять, что знает истинную причину неудавшейся попытки суицида.

Почему-то именно этот эпизод всплыл в памяти сейчас, когда Настя медленно шла вдоль Москвы-реки, глядя на серую мутную воду.

«Удивительно, как мы все-таки были счастливы тогда. Казалось бы – учеба, постоянное безденежье, когда кругом столько соблазнов, какие-то подработки, – а мы все равно находили поводы для радости. Или просто проблемы были другими? Или мы их воспринимали иначе?»

Мысли свернули к Захару. То, что он до сих пор даже не позвонил, только подтверждало Настины худшие подозрения. Никогда Захар не пропадал почти на сутки, звонил ей по нескольку раз в день, а тут… И вдруг из сумки раздался звонок телефона, Настя даже слегка подпрыгнула от неожиданности. Это оказался Захар.

– Настюша, не разбудил? – спросил он совершенно обычным голосом, как будто просто ушел на работу до того, как она проснулась.

– Нет. Как у тебя дела?

– Да все пока нормально, сейчас поеду на встречу. А ты не дома, что ли?

– С чего ты так решил?

– Посторонние звуки, как будто на улице. В магазин идешь?

«Ну, еще бы! Куда еще может двигаться с утра домашняя курица? – с раздражением подумала Настя. – Конечно, в магазин за продуктами, какие у нее еще-то интересы? Только продуктовые!»

– Да, в магазин. Ты когда домой вернешься?

Захар тяжело вздохнул:

– Пока ничего определенного сказать не могу, проблема сложная.

«Надо же, как врет… Как будто всю жизнь это делает. Хотя… может, это так и было, просто я не видела или не хотела видеть? Копалась в себе, а вокруг ничего не замечала».

– Ну, тогда удачи тебе, – еле сумев сдержать раздражение, сказала Настя. – Звони хотя бы, не забывай, что у тебя жена есть.

– Зачем ты так? – совершенно искренне удивился Захар. – Я никогда о тебе не забываю, а вчера не позвонил, потому что умотался за перелет. Здесь погода плохая, ты ведь знаешь, как я зависим от перепадов.

Настя почувствовала беспокойство – у Захара действительно в последнее время стало подниматься давление.

– Ты, конечно же, никаких таблеток с собой не взял?

– Что-то взял из того, что ты мне в сумку положила.

– Тогда все в порядке. Только не тяни: если чувствуешь, что тебе нехорошо, сразу выпей.

– Ладно-ладно, давай не будем про болезни, – спешно сменил тему Захар, не любивший разговоров о недомоганиях и лекарствах. – Я тебе денег перевел на карту.

– Да, я получила.

– Все, Настюша, мне пора идти, иначе мало что успею. Целую тебя.

– Одевайся теплее, – почти машинально сказала Настя в уже замолчавшую трубку.

Часы на экране телефона показывали половину одиннадцатого, Настя вдруг вспомнила, что не позавтракала, и тут же ощутила спазмы в желудке.

«Может, позвонить Инге и пригласить ее пообедать? Правда, я до обеда могу не дожить, нужно срочно что-то съесть, пока плохо не стало».

Она знала за собой такую особенность – стоило пропустить прием пищи, и все – можно упасть в обморок, например, или тошнота накатит.

Свернув в первый же переулок, Настя двинулась в поисках любого кафе, какое первым попадется на пути.

Ноги вывели почти к Павелецкому вокзалу, и слева обнаружился небольшой ресторанчик грузинской кухни, куда Настя и зашла. Машинально прихватив из стойки у двери газету, она села за столик, сделала заказ и, попросив принести

кофе сразу, развернула ее.

С разворота на нее смотрело Стаськино лицо, и Настя в ужасе отбросила газету, тяжело задышав, однако через несколько секунд поняла: это вовсе не Стаська. Конечно, эта женщина не имела ничего общего со Станиславой, но при первом взгляде могло показаться, что это Казакова. На снимке же была Анастасия Ромашкина, а заголовок гласил: «Тайна смерти известной писательницы, возможно, никогда не будет раскрыта».

– О господи… – пробормотала Настя, снова беря газету. – Преследует она меня, что ли? Может, в этом есть какой-то знак? Надо, кстати, сходить в книжный, здесь ведь недалеко есть большой, пока время есть, прогуляюсь.

– Я понимаю, что тебе сейчас не до меня. Но послушай… – Захар ощутимо нервничал, даже не замечая, что прикурил уже две сигареты, и обе они теперь тлеют на краю пепельницы. – Сделай что-то, чтобы прекратить хоть на время шумиху в прессе. Это сейчас только мешает, неужели ты не понимаешь?

– Мешает и помогает одновременно, – со вздохом произнес его собеседник. – Продажи возрастут сейчас, деньги пойдут…

– Да при чем тут деньги? Ты не понимаешь, что мы все под угрозой? И ты, и я, и сам знаешь, кто еще! Никакими деньгами не откупишься!

– Погоди ты паниковать, Захар. Непонятно вообще, что там случилось, я пытаюсь найти какие-то связи в полиции, но пока никак. Мы ведь даже не знаем, что с ней случилось. Может, никакого криминала, а ты уже в панике, аж сюда прикатил.

– Нам необходимо увидеться, – твердо произнес Захар, затушив обе сигареты. – Слышишь – сегодня же! Я буду ждать тебя напротив твоего офиса в пять часов.

– Хорошо, – сдался его собеседник. – В пять у офиса.

Захар машинально взял новую сигарету, раскрошил в пальцах и удивленно уставился на усеявшие столик клочки папиросной бумаги и крошки табака.

– Черт… Как же тяжело решить что-то в чужом городе, – пробормотал он, смахивая все это прямо на пол. – Дома бы уже позвонил знакомым, нашел входы-выходы, каких-то друзей бы напряг, еще кого-то… а здесь придется тыкаться слепым кротом в разные углы. И Тимофей, как назло, начал что-то мутить. Деньги, деньги… как вообще можно думать о деньгах в ситуации, когда непонятно ничего? Я бы на его месте первым делом выяснил причину смерти, чтобы понять, в каком направлении вообще думать.

Захар прошелся туда-сюда по номеру, держась за виски – заболела голова. Он поискал в сумке таблетки, выдавил из блистера сразу две и выпил.

– А почему, собственно, я так зациклился на версии, что Анастасию могли убить? – спросил он у своего отражения в большом зеркале над столом. – Я не говорю об этом вслух, но ведь внутри себя практически уверен в этом. Потому что знаю правду? Хорошо бы, конечно, ошибиться.

И вдруг ему в голову пришло, что ни разу за все это время он не испытал ни капли сочувствия к мертвой женщине, которую даже не знал толком.

Ощутив после позднего завтрака в теле желанную бодрость, Настя вышла на улицу и направилась в книжный магазин. Она всегда любила этот район Москвы, казавшийся ей почему-то довольно тихим и каким-то чуть сонным, особенно если отойти вглубь от метро. Даже постоянный шум Садового кольца не нарушал этого ощущения, а сегодня, в довольно пасмурный день, все казалось опутанным дремой, как паутиной.

«Сейчас бы в постель, под одеялко, да с чашкой какао… – мечтала Настя, шагая дворами к книжному на Большой Полянке. – Печенек каких-нибудь еще вкусных купить…»

В мечтах она едва не забыла, что должна еще и Инге позвонить, а потому решила больше не откладывать. Номер нашелся не сразу – Настя никогда не удаляла телефонов, потому их скопилось изрядно.

«Хоть бы она его не сменила, мало ли».

Но Инга ответила буквально на втором гудке, и голос ее звучал, как ни странно, приветливо, словно этого звонка она ждала давно:

– Алло, слушаю.

– Инга, добрый день. Это Настя… Маховикова, – чуть запнувшись на девичьей фамилии, сказала Настя. – Мы учились вместе, помнишь?

– Конечно, я тебя помню, – ничуть не удивилась Инга. – Ты подруга Стаськи Казаковой, вы квартиру вместе снимали.

– Да, точно. Я не отвлекаю тебя?

– Нет, у меня сегодня выходной. А ты в Москве? Вроде же уехала куда-то на восток?

– Да, я давно живу не в Москве, просто сейчас тут по делу. Ты не могла бы мне кое в чем помочь? Ты ведь наверняка общаешься со многими людьми…

– Извини, Настя, если ты насчет работы, то сэкономим друг другу время – сразу нет. Ничем не смогу помочь, – перебила Инга, и Настя почувствовала, как кровь прилила к щекам.

– Нет, что ты… мне не нужна работа, я по другому поводу звоню.

– Да? – смягчилась Золотницкая. – И по какому же?

– Мне нужен кто-то, кто смог бы рассказать о писательнице Анастасии Ромашкиной, – на ходу изобрела причину Настя, надеясь, что Инга не задаст много вопросов по этому поводу.

– О… до провинциальных СМИ докатилась сенсационная новость? – чуть снисходительно отозвалась Инга, и Настя тут же ухватилась за эту соломинку:

– Именно! Мне бы хотелось о ней побольше узнать…

– Тебе повезло. Как раз сегодня я встречаюсь с начальником детективной редакции издательства «Букмейт», могу вас познакомить.

«Букмейт», «Букмейт»… – лихорадочно соображала Настя. – Что это? Похоже, что издательство, выпускавшее книги Ромашкиной… Ладно, годится и это пока».

– Да, это было бы прекрасно, – с энтузиазмом откликнулась она. – Скажи, куда и во сколько подъехать.

Инга назвала кафе и улицу, сказала, что будет ждать Настю там через два часа, и вдруг спросила:

– Послушай, а ведь ты замуж выходила?

– Я и сейчас замужем.

– И твой муж – Захар Лавров, публицист, который сейчас в политику ударился? – ошарашила ее знаниями Инга.

– А ты откуда…

– Обижаешь, дорогая. Я много чего знаю. И мужа твоего, кстати, лично. Интервью у него как-то брала.

По спине Насти пробежал легкий холодок – а что, если Захар говорил Инге о том, что она, Настя, давно нигде не работает? Вдруг Инга спросит об этом в лоб, и как тогда объяснить свой интерес к Ромашкиной? Неприятная ситуация…

Но Инга, к счастью, не стала заострять внимание на своем знакомстве с Захаром и, повторив еще раз адрес и время встречи, сбросила звонок.

Настя же перевела дух и постаралась собрать в кучу мысли. Упоминание о муже слегка выбило ее из колеи, она никак не ожидала, что Захар и Инга знакомы, он даже не упоминал о ней никогда. Хотя… с чего бы ему упоминать каждую журналистку, которой давал интервью? Он ведь не знал, что Инга и Настя учились вместе. Или знал?

С каждой секундой с Захара словно слетал слой позолоты, которым он был покрыт в глазах Насти, и начинала проглядывать довольно неприглядная изнанка. Никогда за все годы семейной жизни она не сомневалась в муже, и, видимо, зря.

«Если выяснится, что у него был роман с этой писательницей, я не переживу, – вдруг поняла Настя, остановившись посреди улицы. – И не переживу вовсе не то, что он мне изменил, а то, что я была такой слепой и считала его совершенно непогрешимым».

В книжном магазине она провела минут двадцать – подошла к стеллажу, где были выставлены книги Анастасии Ромашкиной, вынула наугад несколько штук с разных полок и направилась к кассе.

Пакет получился довольно объемный, ехать с ним через половину города показалось странным, и Настя, кинув беглый взгляд на большие часы над кассой, решила заскочить в торговый центр и оставить его там в камере хранения, а на обратном пути забрать – все равно придется ехать с пересадкой.

К назначенному времени она слегка опоздала, свернув от метро не на ту улицу, потому, когда вбежала в кафе, сразу наткнулась на не очень довольное выражение лица Инги, сидевшей за столиком у большого окна.

За годы, что они не виделись, однокурсница почти не изменилась, разве что перекрасила волосы и приобрела какую-то вальяжность в движениях.

Выглядела Инга очень хорошо, была со вкусом одета, и Настя испытала неловкость за свои джинсы и свитер под красивым пальто, которое придется снять.

– А ты так и не научилась вовремя приходить, – заметила Инга, перекидывая завитые в локоны волосы с одного плеча на другое.

– Прости, я давно не была в Москве, слегка заблудилась.

– Ну, немудрено – с тех пор как ты укатила в провинцию, тут многое поменялось. Кстати, Стаську давно видела? – поинтересовалась Инга, пока Настя, сняв пальто, устраивалась за столиком.

– Давно. Года три. – Говорить о подруге совершенно не хотелось, а как сказать об этом Инге, она придумать не могла. Обсуждать Стаську и ее спешный побег из страны не казалось Насте хорошей идеей, мало ли что…

– Поссорились? – удивленно вздернула идеальные брови Инга. – Никогда бы не подумала, вы ж просто как попугаи-неразлучники все студенчество были.

– Ну, все заканчивается, – уклонилась Настя. – Может, кофе закажем?

– Рекомендую на соевом молоке, – даже не открыв меню, сказала Инга. – У вас такого явно не подают.

Настя начала внутренне закипать.

Инга Золотницкая приехала в Москву из городка, который даже не сразу можно найти на карте, если не знать, в какой ее части искать.

Как большинство приехавших из подобных мест девочек, она всеми силами старалась зацепиться в столице, не брезгуя романами с преподавателями или руководителями практики.

На последнем курсе она даже вышла замуж за какого-то очень пожилого главреда, но, как говорили, брак этот просуществовал всего полгода – старичок поймал Ингу в постели со своим более молодым заместителем. Эта драма могла бы перерасти в трагедию, потому что, ставший на старости лет рогоносцем, главред совершенно серьезно пообещал, что неверная супруга никогда не получит работы в этом городе, и слово свое непременно бы сдержал, воспользовавшись своими крепкими и многочисленными связями в мире журналистики. Но тут Инге повезло – такая эмоциональная встряска оказалась ее мужу не по плечу, а точнее – не по сердцу, и он скончался от обширного инфаркта, оставив ее вдовой с большой квартирой на Тверской, загородным домом и неплохой суммой в банке. А главное – супруг так и не успел помешать ее карьере, скорее, наоборот – Ингу пригласили по старой памяти в крупное издание, где она и задержалась благодаря собственным неплохим

возможностям и удивительной трудоспособности.

Однако со временем вся эта история в памяти Инги слегка поблекла, а потому она искренне считала, что добилась всего в жизни сама и никогда не жила нигде, кроме Тверской.

Провинциалов же Инга Золотницкая презирала и считала ни на что не годными неудачниками. Настя, по ее мнению, совершила страшную глупость, когда уехала из столицы к мужу, бросив работу в популярном журнале, поэтому Инга позволяла себе разговаривать с ней свысока, считая, что живущая за пределами Москвы однокурсница должна быть благодарна за то, что известный обозреватель Золотницкая тратит свой выходной на беседы с ней.

С трудом подавав в себе вспышку раздражения, Настя ехидно сказала:

– Тебе, наверное, тяжело будет это представить, но в провинцию уже провели Интернет и даже завезли в магазины авокадо, манго и соевое молоко в том числе. Но я люблю кофе с обычным.

Инга сделала вид, что не уловила ехидства, но, видимо, намек поняла и больше слово «провинция» не произносила.

– А что именно ты хочешь узнать о Ромашкиной? – спросила она, когда официант отошел от их столика.

– Да как… все, что удастся. Мне важно представить полную картину, раскрыть образ – кем была, с кем общалась, дружила, чем жила. Хочется что-то личное, а не эти релизы для прессы, понимаешь?

– То есть нужен кто-то, кто знал Ромашкину не как писателя?

– Было бы неплохо, конечно. Пока не представляю, с какого конца вообще подступиться, связей-то в Москве никаких почти не осталось.

– Могу тебя с ее редактором познакомить, если хочешь, – предложила Инга, постукивая по столу длинными пальцами с бледно-фиолетовым маникюром. – Правда, она странная какая-то… но Петька говорит, что редактор хороший.

– А зачем мне ее редактор? – не поняла Настя. – И кто такой Петька?

– Они с Ромашкиной были довольно близкими подругами, – снисходительно объяснила Золотницкая. – Может быть, делились чем-то личным, кто знает. А Петька – тот, кого мы тут с тобой ждем. А вообще… – Инга пару секунд, прищурившись, смотрела в лицо Насти, а потом выдала: – Ты ведь, насколько я поняла, подозреваешь мужа в связи с этой Ромашкиной?

Настя почувствовала, как вспыхнуло лицо – откуда Инга это взяла, неужели со стороны она выглядит просто ревнивой женой, которая приперлась выяснять отношения с любовницей супруга?

– С чего вдруг? – как можно равнодушнее выдавила она. – Мне статью заказали…

– Настя, ну зачем ты врешь? – с легкой ноткой жалости спросила Инга. – Я отлично знаю, что ты нигде не работаешь и ни для кого не пишешь. Ты что же думаешь, что за те два часа, что прошли до встречи, я не успела навести о тебе справки? И Захара твоего я с этой Ромашкиной видела, кстати, потому и подумала сразу, что дело в нем, а не в ней. Но тебя можно понять. У тебя обеспеченный, по меркам вашего города, муж, терять такого глупо, надо бороться любыми средствами. И зачем тебе работать? Я вот даже завидую… но тут, в Москве, так сложно стало найти нормального мужчину – такого, знаешь, чтоб и с деньгами, и не жлоб, и не быдло. Вот и приходится самой выкручиваться. А я бы с удовольствием не по светским вечеринкам моталась с диктофоном, а мужу сибаса в соли запекала к ужину. Но кому что…

Настя даже не успела понять, обидеться ей на эту тираду Инги или сделать вид, что та просто удачно пошутила, – к их столику подошел высокий бородатый мужчина лет тридцати или чуть старше, почтительно приложился губами к небрежно протянутой ему Ингой руке:

– Прости, дорогая, еле вырвался с совещания.

– Ничего, нам еще даже кофе не принесли, – милостиво простила проштрафившегося Золотницкая. – Присаживайся, знакомьтесь – это Петр Рыжиков, начальник детективной редакции «Букмейта». А это Анастасия, моя однокурсница.

Петр точно так же поцеловал Настину руку, хотя Лаврова изо всех сил старалась убрать ее.

– Мне очень приятно. Друзья Инги Генриховны – мои друзья. – Он протянул Насте визитку с телефонами и адресом электронной почты. – Я так понял, вы хотите о Настеньке Ромашкиной поговорить?

Настя молчала, испытывая ужасную неловкость – если сейчас начать строить из себя репортера, Инга может поднять ее на смех, придется терпеть унизительные комментарии, на которые та, судя по всему, горазда.

– Ты, Петенька, лучше дай Насте телефончик Регины Валовой и попроси ее, чтобы она сегодня на Настины вопросы ответила, – вдруг вмешалась Инга.

– Регины? – чуть поморщился Петр. – Не уверен, что она захочет с кем-то разговаривать о Ромашкиной.

– А ты сделай так, чтобы Регина захотела, – вкрадчивым тоном настаивала Инга, небрежно водя длинным ногтем по запястью Петра. – Ты же начальник, должен уметь воздействовать на подчиненных.

– Ин… ты не хуже меня знаешь, что Регина – человек настроения. Да и с Ромашкиной они дружили, не будет она язык распускать. – По виду Петра Настя поняла, что еще через пару минут у нее будет и телефон строптивой Регины, и ее согласие разговаривать, потому что очень уж заинтересованно смотрит Петр в вырез Ингиного платья.

«Интересно, это ради меня Инга так старается или у нее с этим Петей недавно начался роман? Выглядит он совершенно влюбленным», – успела подумать Настя, прежде чем Петр, с неохотой убрав руку из цепких пальцев Инги, взялся за телефон.

– На что только не пойдешь, чтобы угодить женщине! – притворно вздохнул он и слегка отвернулся от столика, а Инга ободряюще подмигнула Насте – мол, сейчас все будет.

Петр что-то тихо говорил в трубку, прикрыв ее рукой, Настя рассеянно наблюдала за тем, как официант расставляет на столике кофейные чашки, а Инга сосредоточенно листала какие-то страницы на экране телефона.

«Где, интересно, и когда она видела Захара и Ромашкину? – думала Настя, испытывая почти физическую боль от этой мысли. – Какой все-таки маленький город, да что там – страна маловата, оказывается. Везде знакомые… Никогда бы не подумала, что попаду в такую нелепую ситуацию, боже, как же отвратительно… словно голой в бар зашла…»

– Значит, так, Настя, – вырвал ее из раздумий голос Петра, уже убравшего телефон в карман. – Регина будет вас ждать через час в холле нашего издательства, это одна станция метро отсюда и минут десять пешком. Найдете?

– Постараюсь. А как я ее узнаю?

– Узнаете, – усмехнулся Петр. – Второго такого неприятного человека вы в жизни вряд ли встретите.

Настя испытала легкий приступ тошноты – ей всегда была неприятна манера обсуждать людей за глаза в негативном ключе, а уж если это делал мужчина по отношению к женщине… Ей даже не хотелось благодарить Петра, язык не поворачивался, а особенно огорчало то, что сейчас она встанет и уйдет, а эти двое, без сомнения, обсосут каждую косточку, обсудят с ехидцей каждый волосок, каждый сантиметр ее кожи, ее одежду, ее прическу, манеру разговаривать. И наверняка то, что ее муж встречался с Анастасией Ромашкиной. Надеяться на порядочность Инги не приходилось.

«Да в конце концов! – разозлилась Настя. – Какое мне дело до этих снобов? Строят из себя коренных москвичей, показно презирают приезжих, стараясь вычеркнуть из жизни собственные родные Мухосрански, из которых приехали. И Петя этот точно такой же, без сомнения. Противно…»

Тем временем Петр вынул из сумки ручку, написал на салфетке номер и протянул Насте:

– Вот, возьмите на всякий случай. Регина может забыть, что у нее встреча, для нее это нормально, так вы позвоните и напомните.

– Спасибо.

Настя убрала салфетку в карман сумки и подумала, что вот сейчас самый подходящий момент для того, чтобы попрощаться и уйти. Она так и сделала и была крайне удивлена тем, что Инга вдруг принялась разыгрывать лучшую подругу:

– Ты мне позвони вечерком, хорошо? Еще поболтаем, давно ведь не виделись.

Настя неопределенно кивнула, еще раз поблагодарила Петра за помощь и вышла из кафе.

На улице слегка похолодало, пришлось намотать шарф на голову, хотя Настя знала, что ей это не идет, простит и делает похожей на выскочившую за дровами крестьянку позапрошлого века. Но перспектива замерзнуть и простыть не нравилась совершенно, поэтому дефекты внешности не показались такими уж страшными.

Здание, в котором располагалось издательство «Букмейт», находилось в десяти минутах ходьбы от метро, но Настя ухитрилась пойти не в ту сторону, пришлось возвращаться.

«Что за день-то такой сегодня? – думала она, в быстром темпе шагая в обратном направлении. – Второй раз заблудилась, ну надо же! Хорошо еще, что время есть, не опоздаю».

На ходу разматывая шарф, она поднялась по ступенькам и вошла в просторный холл с турникетами и стойкой ресепшн, где сидели молодая девушка и сурового вида мужчина в сером костюме.

Настя заметила диван в самом углу и присела, расстегивая пальто – от быстрой ходьбы ей стало жарко, казалось, что от тела валит пар. Стрелки настенных часов приближались к назначенному времени, и Настя начала поглядывать в сторону турникетов, ожидая появления неведомой Регины.

«Как мне строить разговор с ней? – думала Настя, нервно постукивая пальцами по колену. – Я же совершенно разучилась брать интервью, разучилась налаживать контакт с человеком, которого вижу впервые. Как мне вывести эту Регину на разговоры о личной жизни Ромашкиной? Это ведь странно будет выглядеть, нужен какой-то предварительный диалог, из которого уже будет как бы вытекать остальное. Да и захочет ли она говорить со мной об этом? Захотела бы я говорить с кем-то о личной жизни Стаськи? Рассказала бы незнакомой журналистке, с кем Стаська встречалась, кого любила, чего ждала? Вряд ли. Так с чего вдруг этой Регине вести себя иначе? Ох, неудачная была идея, совсем неудачная…»

– Вы Анастасия? – раздался рядом хрипловатый низкий голос, и задумавшаяся Настя вздрогнула и подняла глаза.

Говоря о неприятном человеке, пижонистый Петр не преувеличил. На Настю смотрела невысокая, очень худая женщина неопределенного возраста с таким прожигающим насквозь взглядом мутноватых бледно-голубых глаз, что у Насти мурашки побежали по спине.

Женщина выглядела неопрятной, засаленные волосы неопределенного цвета были стянуты в жидкий пучок на макушке, что придавало ей комичный и жалкий вид. Скрещенные на груди руки с явно обгрызенными ногтями теребили рукава линялой желтой кофты, такой растянутой, что уже было непонятно, какого она раньше была размера. Тонкие губы кривила отталкивающая не то улыбка, не то усмешка.

– Вы – Анастасия? – повторила вопрос женщина, и Настя очнулась:

– Ой… да, простите… я Анастасия, мне нужно поговорить с вами о…

– Я знаю, мне начальник передал, – оборвала она. – Меня зовут Регина. Если хотите поговорить, идем в нашу столовую, у меня есть чуть больше часа, потом должна вернуться в редакцию. Постарайтесь задавать свои вопросы максимально быстро и четко.

Она развернулась и пошла к турникетам, уверенная в том, что Настя немедленно последует за ней. Лаврова подхватилась с дивана.

Небрежно кинув мужчине в сером костюме «это со мной», Регина приложила к турникету пропуск, давая Насте возможность пройти.

– Налево, – скомандовала она, обгоняя замешкавшуюся Настю и направляясь по длинному коридору в глубь помещения.

Настя послушно следовала за ней, пытаясь не отстать и не уронить пальто, шарф, сумку и телефон, которые держала буквально в охапке. Попутно она успела полностью рассмотреть наряд Регины, помимо желтой кофты, содержавший мешковатые штаны защитного цвета, закатанные так, что видны были худые бледные щиколотки, и какие-то мужские ботинки на толстой подошве, такие старые, что уже невозможно было понять их первоначальный цвет. Все это дополнял тонкий шарф из грязно-серой ткани, напоминавшей марлю. От Регины исходил какой-то странный, тяжелый, но очень знакомый запах, и это точно были не духи, и Настя мучилась, вспоминая, где могла этот запах слышать.

– Присаживайтесь, – указав на стол в самом углу просторной столовой, велела Регина. – Кофе или чай?

– Кофе, если можно, черный.

Кивнув, Регина отошла к барной стойке, а Настя, забравшись за стол, приготовилась делать вид, что она журналист. Выложила перед собой телефон, достала записную книжку и ручку, поправила волосы и постаралась унять охватившую ее дрожь.

Пока она прикидывала, с чего начать разговор, Регина вернулась с двумя бумажными стаканами кофе, села напротив и сразу кинулась в атаку, заставив Настю вжаться в спинку стула от неожиданности.

– Ну, и с чего вдруг Петя решил, что я кинусь рассказывать вам о Люсе?

– О ком? – переспросила Настя, сильнее вжимаясь в стул, потому что ей казалось – еще минута, и Регина вцепится ей в волосы, настолько она была переполнена злобой.

– Ну, о Ромашкиной, господи! Люся ее звали, Анастасия Ромашкина – псевдоним, издателю принадлежит, – с неохотой объяснила Регина, поняв, видимо, что уже все равно проговорилась. – Это не афишировалось, понятное дело.

– Я не буду об этом писать, – поспешно заверила Настя, стараясь расположить Регину к себе. – Зачем разрушать образ, правда? Пусть она так и останется Анастасией, ее ведь под этим именем знали.

Регина бросила на нее недоверчивый взгляд:

– То есть вы не за сенсацией явились?

– Нет, что вы… мне интересно понять, каким она была человеком. Автор ведь не всегда в книгах открывается, есть те, кто этого совсем не делает, отстраняется от своих персонажей, проводит грань между собой и ими. – «Господи, что я несу?» – подумала Настя в тот момент, когда произнесла эту тираду, но заметила, что ее слова произвели на Регину расслабляющее воздействие – она сделала глоток кофе, шумно выдохнула и приняла более непринужденную позу. – Мне посоветовали к вам обратиться, потому что вы были с Анастасией близки… ну, так сказали…

Регина пожала плечами:

– Как сказать… Мы общались – каждому человеку нужен кто-то, кому можно пожаловаться. У Люси в Москве никого не было, она ведь приезжая. Долго не могла себе применения найти, то там работала, то сям… а потом – книги. Я ее редактор с первого дня, так и познакомились. Я ее жалела, – неожиданно тихим голосом сказала Регина, не отрывая взгляда от темной жидкости в стаканчике. – Более одинокого человека я никогда не видела. Думала, что хуже, чем мне, никому быть не может. – Сказав это, она вдруг затрясла головой, выпрямилась и снова холодным, жестким голосом проговорила: – Но это к делу не относится. Что конкретно вы хотите знать о Люсе?

Настя слегка растерялась – не говорить же в лоб, что ее интересуют связи Ромашкиной с мужчинами. И она решила зайти с другой стороны:

– Скажите, Регина, у нее были проблемы со здоровьем?

– Почему вы спрашиваете? – насторожилась та.

– Если следствие исключает криминальную версию, то остается только смерть по естественным причинам, – выкрутилась Настя, надеясь, что Регина снова проговорится.

– Она никогда не говорила… а следователь какой-то идиот. У меня есть доверенность на все, что касается дел Люси, она ее оформила полгода назад, а мне не дают полной информации о том, что же с ней случилось на самом деле. Даже результаты вскрытия не сообщают. – Регина снова сделала глоток кофе и умолкла.

Настя про себя отметила эту странную деталь о доверенности и то, что вскрытие уже было, даже не понимая, зачем ей эта информация.

– А где и когда ее будут хоронить?

– Этим занимается издательство, я же сказала – у Люси вообще никого не было. Похороны в час дня послезавтра на Троекуровском кладбище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/kramer_marina/nikogo-ne-zhal

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить